

Научная статья

УДК 316.334.3

doi:10.21685/2307-9525-2021-9-3-12

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН В ИНСТИТУТАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Оксана Всеволодовна Милаева¹, Альберт Евгеньевич Сиушкин²

^{1, 2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹milaevaov@mail.ru

²bert_s@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования современной модели женского представительства обуславливается фиксируемым гендерным дисбалансом и гендерной асимметрией в политическом пространстве РФ. Гендерные исследования политического представительства накопили значительный опыт, сформирована методологическая база, основанная на мультидисциплинарном подходе. Участие женщин в системе властных отношений изучалось в различных аспектах: проводился анализ статистики женского присутствия, выявлялись качественные характеристики женского состава в органах представительства, проводился анализ общественного мнения об участии женщин в публичной политике. Освещение в отечественной историографии получили вопросы формируемого медиаобраза женщин-политиков, имиджевых характеристик, стереотипов общественного сознания. Однако отсутствуют комплексные исследования мнения представительниц женского депутатского корпуса относительно проблем женского представительства в политической сфере, что обуславливает актуальность и новизну такого рода исследований. *Материалы и методы.* Сбор эмпирического материала осуществлялся методом онлайн-анкетирования через размещение анкеты на онлайн-сервере GoogleForms и путем сплошной почтовой рассылки по адресатам. Объектом исследования являются женщины-депутаты региональных законодательных собраний и представительных органов местного самоуправления административных центров субъектов РФ. Предмет – оценка действующим женским депутатским корпусом проблем женщин-политиков в современной системе органов представительной власти. Цель – зафиксировать отношение женщин-депутатов к различным аспектам положения женщин в современной российской публичной политике, выявить круг оценок проблем, имеющих в современном женском представительстве. *Результаты.* Исследование дало возможность сформировать общий каркас оценки женским депутатским корпусом проблем, существующих в социально-политическом пространстве с точки зрения женского политического представительства. *Выводы.* Исследование позволило зафиксировать оценку проблем женского представительства с точки зрения количественной представленности женщин и гендерного дисбаланса в политическом представительстве, причины сниженной представленности женщин в политическом пространстве, меры по расширению женского политического участия и перспективы институтов выдвижения женщин в публичную политику, формы дискриминации женщин-политиков и гендерные стереотипы в публичной политике.

Ключевые слова: гендерные исследования, политическое представительство, политическое участие, женщина в политике, депутатский корпус, региональное представительство, муниципальное представительство, региональные legislatures, женщины-депутаты

Для цитирования: Милаева О. В., Сиушкин А. Е. Социальные проблемы участия женщин в институтах политического представительства // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9, № 3. С. 119–130. doi:10.21685/2307-9525-2021-9-3-12

Original article

SOCIAL PROBLEMS OF WOMEN'S POLITICAL REPRESENTATION

Oxana V. Milaeva¹, Albert E. Siushkin²^{1, 2}Penza State University, Penza, Russia¹milaevaov@mail.ru²bert_s@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of exploring the modern model of women's representation is determined by the fixed gender imbalance and gender asymmetry in the political space of the Russian Federation. The gender studies of political representation have accumulated considerable background, the methodological base with a multidisciplinary approach has been formed. Women's participation in power relations has been examined in various aspects: the statistics of women's presence has been analyzed, the qualitative characteristics of the women's composition in the representative bodies have been identified, public opinion on participation of women in public policy has been evaluated. Russian historiography has covered the forming media image of women politicians, image characteristics, and stereotypes of public consciousness. However, there are no comprehensive studies of the opinion of female deputies regarding the problems of women's representation in the political sphere, which determines the relevance and novelty of the research. *Materials and methods.* The empirical material is collected using the online questionnaire method through placing the questionnaire on the GoogleForms online server and continuous mailing to the addressees. The scope of the research is female deputies of regional legislative assemblies and representative bodies of local governments in the administrative centers of the constituent entities in the Russian Federation. The focus is the assessment by current female deputies of the problems faced by women politicians in the modern system of representative bodies. The objectives are to fix the attitude of female deputies to various aspects of the women's status in modern Russian public policy and to identify a range of assessments of the problems existing in modern women's representation. *Results.* The research contributes to forming a general framework for female deputies to assess the problems existing in the social and political space in terms of women's political representation. *Conclusions.* The research allows recording the assessment of women's representation in terms of the quantitative representation and gender imbalance in the political sphere, the reasons for reduced women's representation in the political space, the measures to expand women's political participation and prospects of institutions promoting women in public policy, the forms of discrimination against women politicians and gender stereotypes in politics.

Keywords: gender research, political representation, political participation, women in politics, deputies, regional representation, municipal representation, regional legislatures, female deputies

For citation: Milaeva O.V., Siushkin A.E. Social Problems of Women's Political Representation. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2021;9(3):119–130. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2021-9-3-12

Гендерная политология в России выделяется в самостоятельное направление гендерных исследований, имеющее значительный накопленный опыт и методологическую базу, основанную на мультидисциплинарном подходе [1]. Участие женщин в системе властных отношений на различных уровнях иерархии, в том числе и в органах представительства, является предметом изучения с точки зрения теоретизации моделей, а также объектом статистического анализа на основе исследования набора качественных характеристик, выработанного исследователями [2–5]. Систематизация подходов к изучению женского представительства дана в работе Н. Н. Козловой, Ю. А. Монаховой [6]. Целый пласт исследований посвящен различным аспектам гендерной проблематики с точки зрения сложившихся социальных стереотипов и специфики социального восприятия женской политической активности [7–9]. Многочисленны исследования, посвященные различным аспектам институционализации гендерного дисбаланса в органах власти в России [10–13]. Восприятие женщин в современной российской политике изучалось

в контексте формируемого медиаобраза [14–21], имиджевых характеристик [22–24], стереотипов общественного сознания и восприятия россиянами женщин в публичной политике [25–32]. Этой проблеме посвящены опросы ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центра¹. Однако комплексного изучения мнения самих женщин-политиков нами не отмечено, за исключением составления общих социально-политических характеристик депутатского женского корпуса, социального портрета женщин-депутатов в отдельных представительных органах [33], что обуславливает новизну такого рода исследований.

Объект исследования – женщины-депутаты региональных законодательных собраний и представительных органов местного самоуправления административных центров субъектов РФ. *Предмет исследования* – оценка действующим женским депутатским корпусом положения женщин в современной системе органов представительной власти. *Цель исследования* – зафиксировать отношение женщин-депутатов к различным аспектам положения женщин в современной российской публичной политике, выявить круг оценок проблем, имеющих в современном женском представительстве. *Метод проведения исследования* – онлайн-анкетирование. Исследование проводилось в декабре 2020 г. путем сплошной рассылки электронных писем по составленным поименным спискам женщин-депутатов региональных законодательных собраний и представительных органов местного самоуправления административных центров (1187 человек) со ссылкой на размещенную в GoogleForms анкету². Статистическая группировка результатов осуществлялась с помощью Microsoft Excel. Основное количество респондентов составили депутаты представительных органов местного самоуправления административных центров РФ (67,8 %), 32,3 % – депутаты законодательных собраний. Половина респондентов (50,4 %) – депутаты Центрального и Приволжского федеральных округов, 20 % – депутаты Дальневосточного федерального округа. Доля респондентов в каждом из остальных пяти федеральных округов не превысила 10 %. Итоговое число принявших участие в опросе – 115 респондентов (9,6 % от всего женского депутатского корпуса субфедерального уровня).

Гендерная диспропорция в органах представительства фиксируется при исследовании количественных характеристик женского депутатского корпуса субфедерального уровня: процент женского участия от общей численности депутатов субфедерального уровня составляет 18,04 % (1187 человек)³. Очевидный дисбаланс, потребность большей интеграции женщин в публичную политику фиксирует и подавляющая часть респондентов: 84,3 % считают, что в российской публичной политике требуется расширение женского участия, с ними не согласны около 10 % (9,6 %), 6,1 % затруднились с ответом. Отметим, что в этом отношении мнение женщин-депутатов расходится с трендом снижения запроса на расширение женского политического участия в общественном мнении в целом. Так, в 1998 г. почти половина респондентов (45 %) считали, что необходимо увеличить число женщин-политиков в нашей стране, в 2007 г. 58 % женщин и 29 % мужчин полагали, что представителей женского пола в политике недостаточно, 27 % не видели в этом необходимости [26]. К 2017 г. число респондентов, считающих, что женщин в политике недостаточно, снизилось до 32 %, тогда как доля тех, кто полагает, что вполне достаточно, выросла с 27 до 38 %, около 10 % опрошенных утверждали, что женщин в политической сфере не должно быть вовсе. Еще более наглядно это представлено в опросах Левада-Центра «Участие женщин в политике» (2017): если

¹ Участие женщин в политике // Опрос Левада-центра 15–19 сентября 2017 г. URL: <https://www.levada.ru/2017/10/16/uchastie-zhenshin-v-politike-2/>; Политика с женским лицом: российский вариант // Опрос ВЦИОМ. 16 сентября 2019 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/politika-s-zhenskim-liczom-rossijskij-variant> (дата обращения: 18.06.2021).

² Опросный лист размещен: URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSdn0bnjsFDmAvvDK4jdBopJ2bCgrjxdi2dQkNP326xUUvNk3A/viewform?usp=sf_link

³ Исследование проводилось в рамках гранта РФФИ и ЭИСИ № 20-011-31091. Милаева О. В., Бобров В. А., Мартынова О. А., Питерова А. Ю., Сиушкин А. Е. «Современные модели женского представительства в региональных парламентах и представительных органах местного самоуправления Российской Федерации».

в 2006 г. 40 % россиян однозначно одобряли участие женщин в политике, то к 2017 г. их количество снизилось до 23 %, сократилась и доля желающих видеть женщин на высших государственных постах – с 35 % в 2006 г. до 16 % в 2017 г.

Не столь очевидна для респондентов консервация конфигурации модели женского представительства в виде гендерной пирамиды (при повышении статуса выборного органа процент участия женщин уменьшается). Если обратиться к данным состояния женского представительства регионального уровня на октябрь – ноябрь 2020 г., наличие гендерной пирамиды подтверждается в большинстве регионов, только в ряде субъектов конфигурация меняется и региональный процент женской представленности является устойчиво более высоким (в ряде случаев разрыв очень значительный). Однако, на взгляд большинства респондентов, никакой гендерной пирамиды власти в России не существует (63,5 %), только немногим более 30 % депутатов фиксируют ее наличие (31,3 %).

Несмотря на признание подавляющим большинством респондентов недостаточности женского участия в публичной политике, относительно большой процент (27 %) депутатов не видят необходимости в применении каких-либо дополнительных мер для его расширения. Распределение ответов респондентов представлено нами в табл. 1.

Таблица 1

Одобряемые меры расширения женского участия
в политическом представительстве

Меры расширения женского участия в политическом представительстве	Проценты
Поддержка женского движения на государственном уровне	38,3
Нет, никаких дополнительных мер не требуется	27
Расширение числа и влияния женских неправительственных организаций	23,5
Использование разнообразных поощрительных и иных мер, призванных способствовать включению большего числа женщин в партийные избирательные списки	20
Возрождение партийных женсоветов/женотделов	17,4
Введение квот на гендерное представительство в законодательных и представительных органах	13,9
Установление рекомендательной нормы по возможности равного представительства мужчин и женщин при формировании составов советов, комитетов, президиумов и иных руководящих органов представительства	13,9
Установление нормы представительства мужчин и женщин пропорционально близкой к составу населения	10,4
Включение в государственные программы по развитию социальной сферы мер, обеспечивающих реальное равноправие полов	9,6
Внесение в ежегодный план работы Государственной Думы РФ заслушивания отчета по мерам обеспечения равенства полов	8,7
Введение нормы, в соответствии с которой число мужчин и женщин, включенных в списки кандидатов, не может превышать определенный процент от общего числа кандидатов, выдвинутых избирательным объединением	7,8
Объединение разрозненных организаций и движений в единое движение по защите реального гендерного равенства	5,2
Экспертиза законодательных актов на предмет гендерной дискриминации	4,3
Принуждение политических партий использовать гендерные квоты	2,6
Введение контрольных показателей равного гендерного представительства в отчетность органов представительства	2,6

Различные варианты государственного регулирования бюрократических институций (нормирование, отчетность, контрольные цифры, контрольные органы, государственные программы) и меры государственного воздействия на политические партии (за исключением поощрительных – 20 %) не рассматриваются депутатами как приоритетные, набирают менее 10 %. Тем не менее более трети респон-

дентов (38,3 %) высказываются в пользу общей поддержки женского движения на государственном уровне. Минимальной поддержкой среди респондентов пользуются такие политические практики, как гендерная экспертиза законодательных актов (4,3 %), принуждение политических партий использовать гендерные квоты (2,6 %), введение контрольных цифр по гендерному представительству в выборных органах (2,6 %). Ответы довольно противоречивы, поскольку просматривается запрос на государственную поддержку женского движения, в то же время механизмы государственного регулирования, за исключением квотирования (13,9 %), не считаются приоритетными. Правовые механизмы тоже не встречают особой поддержки. Можно отметить, что, несмотря на высокий процент выступающих за государственную поддержку, значительная доля депутатов считают, что этого не требуется, указывая меры, связанные с «низовой модернизацией»: некоммерческие организации (НКО) (23,5 %), возрождение партийных женсоветов (17,4 %). Возможно, недоверие к институтам государственного регулирования в ответах респондентов связано с социальными изменениями в структуре женского представительства. Так, если ранее женщины-депутаты в основном являлись представителями бюджетного сектора, то к настоящему моменту коммерческий сектор, сторонящийся государственного патернализма, набирает больший вес.

Наиболее перспективными институтами, способствующими интеграции женщин в публичную политику, респонденты считают политические партии (34,4 %), институты гражданского активизма – 30,4 % (защита экологии, прав человека, благотворительность, контроль выборов и т.п.), продвижение через прошлый опыт государственной и муниципальной службы (27,1 %). С тем, что значимым источником рекрутирования женщин в органы представительства является бюджетная сфера, согласны 21,7 %, бизнес – 19,1 %, НКО – 17,4 % респондентов. 20,9 % опрошенных считают, что сам институт выдвижения значения не имеет и действует ряд других факторов. Медиа не рассматриваются как важный институт выдвижения (и, действительно, в депутатском женском корпусе в целом незначительное представительство лиц с такого рода образованием или сферой деятельности). Отметим, что респонденты как значимые оценивают возможности именно институтов, тогда как разовое воздействие в форме сильной информационной кампании рассматривается как вспомогательное (13,9 %).

Стереотипы гендерного восприятия политики являются в гендерной политологии темой обсуждаемой, и относительно причин неприятия частью общества женщин в политике исследователи зачастую приходят к выводам, что они коренятся в патриархальности российского общества, ориентированного на консервирование традиционных половых ролей. Респонденты выделяют ряд стереотипов с разным вектором (от негативных до позитивных), с которыми сталкиваются женщины, пришедшие в публичную политику. Среди негативных оценок стереотипы, связанные с представлением об обобщенном «женском» характере, которому атрибутируются такие качества, как чувствительность и эмоциональность (45,5 %), некомпетентность/неспособность объективно оценивать ситуацию (11,3 %), пассивность и покорность (9,8 %), неспособность к самостоятельному действию («за женщиной всегда стоят мужчины, которые ее продвигают» – 36,5 %), психологическая несамостоятельность (13 %), отсутствие воли и характера, требуемых в борьбе за власть (9,6 %), с представлениями о вторичности женской активности (женщина должна помогать мужчине, а не руководить – 18,3 %), о гендерной специфике социальных ролей и занятий – приоритете для женщин семьи и вторичности всех остальных социальных функций (33 %). Последнее подтверждается оценками респондентов полоролевых доминант в причинах неактивности женщин в реализации права быть избранными. Респонденты выделяют как самый значимый фактор более высокую занятость в рамках выполнения семейных обязанностей (67,8 %) и опасения, что политическая деятельность негативно скажется на семье (28,7 %). 25,2 % отмечают, что препятствием является патриархальность российского социума, что также подтверждается опасением негатива в публичном пространстве (20,9 %). По оценкам респондентов, существует

проблема отсутствия в принципе гендерной повестки в российской политике, что сказывается на недостатке интереса у женщин в ней участвовать: 11,3 % отмечают, что интересы женщин не представляет ни одна партия, 10,4 % обращают внимание на то, что в России отсутствуют успешные ролевые модели женской политической деятельности. Часть респондентов видят причины в сознании и жизненной позиции самих женщин: 20,9 % отмечают, что женщины не хотят разбираться в политических проблемах, 16,5 % считают, что они не видят связи между своей жизнью и политикой. Причину отсутствия у женщин интереса к конкурентной борьбе признают важной только 7,8 % респондентов. Среди опрошенных 18,2 % не считают, что женщины мало участвуют в политической деятельности, признавая уровень женского участия вполне нормальным.

Проблем дискриминации женщин в политической деятельности не видят почти половина опрошенных депутатов: 46,1 % отмечают, что не сталкивались с препятствиями при избрании и осуществлении политической деятельности. Значимыми формами дискриминации респонденты считают отстранение от управления в представительных органах и сужение сфер политической активности женщин-депутатов. Так, 33 % респондентов считают формой дискриминации вытеснение в «женские» сферы в политической повестке (образование, культура, социальная политика и т.п.), а 32,2 % отмечают вытеснение из руководящих органов представительства. К тому же кластеру проблем 13 % относят препятствия со стороны мужчин-политиков при выдвижении на руководящие должности в аппарате партий/движений/фракций. Приемы «технической» дискриминации отмечают незначительное число опрошенных: 11,3 % обратили внимание на допуск женщин к выборам по остаточному принципу, 7,8 % отмечают выдвижение женщин-кандидатов на заведомо непроходные округа, столько же – включение женщин-кандидатов в списки на заведомо невыигрышные позиции. 10,4 % как проблему фиксируют игнорирование инициатив, предлагаемых женщинами-депутатами в органах представительства, 4,3 % отмечают отсутствие поддержки инициатив, выдвигаемых женщинами-депутатами, со стороны партии/движения.

В полученных ответах стоит обратить внимание на такую форму, как вытеснение в «женские» сферы в политической повестке в сочетании с информацией по специализации образования женщин-депутатов. Воспользуемся данными проведенного ранее исследования по характеристикам женского политического представительства субфедерального уровня (табл. 2).

Таблица 2

Специализация образования женского депутатского корпуса РФ субфедерального уровня

Специализация	Федеральный округ							
	ЮФО	УФО	СКФО	ДФО	СФО	СЗФО	ЦФО	ПФО
Педагогика, %	30,08	33,8	43,37	31,7	40,1	36,6	35,8	27,2
Экономика и управление, %	25,6	24,1	24,0	22,7	18,4	22,9	23,3	19,5
Медицина, %	15	6	11	20	15	17	15	9,5
Инженерно-технические, %	18	8	4	13	12	19	3,75	7,7
Юриспруденция, %	7	4	4	16	13	7	7,5	12,7
Культура и искусство, %	3	2	2	6	9	6	3,3	3,1
Агрономия, %	3	1	–	3	–	–	0,8	1,8
Прочее, %	4	5	6	8	14	16	25	18,1

Гендерная асимметрия проявляется не только в количественных характеристиках депутатского корпуса, но и, по мнению респондентов, в ограничении сфер политической деятельности для женщин-политиков: они сосредоточены в основном в комитетах и комиссиях, обобщенно называемых социально ориентированными, выполняющими функции социальной защиты. Тем не менее при анализе профессиональной принадлежности становится более очевидным, что концентрация женщин в социальной сфере – это освоенная ими социально и профессионально практика, наиболее привычная для них сфера занятости. При оценке предпочтительных для женщины-политика направлений 71,3 % респондентов отмечают, что значение имеют образование и опыт профессиональной деятельности. Далее следует стереотипный набор: почти четверть респондентов (23,5 %) выделяют направление социальной политики и столько же – сферу образования и культуры, 19,1 % – здравоохранение. Это подтверждает и установку массового сознания о выполнении женщинами-депутатами функций «социального материнства».

Среди образов репрезентации имиджа женщины-политика депутаты выбирают как наиболее актуальный имидж, приближенный к мужскому (железная леди/женщина-мужчина) (43,50 %), и женщины-матери/учителя (48,70 %). На наш взгляд, эти образы с точки зрения респондентов работают на разную целевую аудиторию: образ «железной леди», обладающий максимальными чертами маскулинности, направлен прежде всего в конкурентное политическое пространство, тогда как образ матери/учителя наиболее часто транслируется для избирателей. Образы «серой мышки» или сексуального символа/талисмана не пользуются среди респондентов популярностью. Фактически ретранслируются прежние советские ценности, образ некоего социального материнства, репрезентуемые в политическое пространство, в том числе и через профессиональную принадлежность основного числа депутатов.

В отношении набора качеств, которыми должна обладать женщина, чтобы работать в политической сфере, можно отметить совпадение предпочтений общественного мнения и представлений респондентов. Исследования, проводимые ранее по вопросам общественного мнения о женщинах в политике, несмотря на удаленность во времени, не обнаруживают принципиальных различий с современным состоянием. Женщина, идущая в политику, по мнению социума, должна иметь определенный набор личных качеств: целеустремленность, коммуникабельность, волевою устойчивость [26]. Кроме того, необходимо наличие высшего образования и богатой эрудиции в разных областях знания [26]. Обратим внимание, что тот же самый набор качеств является необходимым и для мужчин-политиков, что говорит о надгендерных представлениях о фигуре политика.

Консенсус среди респондентов наблюдается в признании значимости рациональных и профессиональных качеств: целеустремленности, дисциплины, организованности (61,7 %), высокого уровня образования, профессионализма (55,7 %). Важными признаются такие эмоционально-поведенческие качества, как инициативность, энергичность, настойчивость (47 %). При этом навыки эмоционального контроля, компенсирующие вредность работы, связанную с неустойчивым графиком (самообладание, стрессоустойчивость), т.е. все то, что в стереотипном сознании является противоположностью женской эмоциональности, неумения себя контролировать, считают важными 42,6 %. 40,9 % респондентов в приоритетах видят нравственные качества (добросовестность, ответственность, порядочность). Более трети респондентов (36,5 %) отмечают такие характеристики, как решительность, твердость, треть (33 %) – независимость в принятии решений, а также дипломатичность, толерантность и коммуникабельность (33 %), справедливость, честность, принципиальность (30,4 %). Качества, которые в большинстве случаев приписываются «женскому» характеру, отмечают как необходимые для женщины-политика менее трети респондентов: уважение к людям, отзывчивость, скромность (28,7 %), доброжелательность, умение слушать (22,6 %). В отличие от достаточно распространенного в PR-классификациях имиджа «крепкого хозяйственника»,

входящие в его структуру качества (деловая хватка, практицизм, работоспособность) в имидже женщины в публичной политике не оцениваются как приоритетные (18,3 %). Отметим, что навыки работы в коллективе при том, что представительство – работа коллективных органов, где так или иначе выстраиваются коалиционные, компромиссные отношения, происходит адаптация различных политических сил и групп, как значимые не оцениваются: умение работать в коллективе набирает немногим более 15 % в ответах респондентов, умение идти на компромиссы – 8,7 %. Внешние имиджевые качества, с упором на «женский» вариант, не пользуются среди респондентов популярностью: артистичность, обаяние, вкус, стиль, элегантность, приятная внешность, запоминающийся имидж получили от 8 до 13 %. Наименее востребованными для женщины в политическом пространстве респонденты считают такие качества, как религиозность, жертвенность, сопереживание (1,7 %).

Результаты исследования обнаруживают значительный запрос на формирование гендерного баланса в системе органов представительства. При этом даже не столько гендерная пирамида представляется проблемой, сколько в принципе незначительная доля участия женщин в управлении и малая степень влияния на принятие политических решений. Просматривается запрос на государственную поддержку женского движения, однако в значительной степени приоритет в эффективности расширения женского участия респондентами видится в низовой модернизации через общественные организации и внутрипартийные институты. Наименее предпочтительными респонденты видят различные варианты бюрократизации балансировки гендерного представительства, в том числе и правовые инструменты, включая практику квотирования. Почти половина депутатов не отмечают наличие дискриминационных практик с целью отстранения женщин от участия в политике, однако считают наиболее распространенным отстранение от участия в управленческих структурах как во внутрипартийной иерархии, так и в органах представительства. Несмотря на социально-профессиональный состав женщин-депутатов, представляющих в значительной степени бюджетную сферу и «социально ориентированные» профессии, к дискриминационным практикам относят вытеснение женщин в социально ориентированные сферы, рассматриваемые, видимо, как наименее влиятельные в политической жизни. Наиболее распространенные стереотипы восприятия женщин в политике оцениваются респондентами как негативные характеристики эмоциональной нестабильности и личной несамостоятельности женщин в принятии решений и материальном положении, тогда как причинами минимизации женского участия выбираются вполне очевидные объективные ограничения – высокий уровень занятости в связи с выполнением семейных обязанностей. Оценка значимых индивидуально-личностных качеств, необходимых женщине-политику, свидетельствует о формировании надгендерной модели представлений об «идеальной политике», при этом репрезентация имиджевых характеристик уводит в сторону образа «социального материнства».

Список литературы

1. Рябова Т. Б., Овчарова О. Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 1 (78). С. 3–23.
2. Айвазова С. Г. Гендерное измерение власти в современной России. К постановке вопроса // *Политическая наука*. 2004. № 1. С. 160–182.
3. Акмалова А. А., Капицын В. М. Женщины и власть : муниципальный аспект // *Самоуправление*. 2012. № 3. С. 28–29.
4. Швец А. Г., Шепелева Ю. Л. Гендерный аспект властных отношений: проблемы и направления развития : монография. М. : Кредо, 2015. 148 с.
5. Бадмацзыренова Е. А., Доржиева С. В. Теоретические модели политического участия женщин // *Власть*. 2019. Т. 27, № 4. С. 175–180.
6. Козлова Н. Н., Монахова Ю. А. Женщины-депутаты представительных органов Приволжского федерального округа: опыт анализа политических биографий // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2019. Т. 13, № 2. С. 57–69.

7. Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы в политической сфере современного российского общества: социологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04. Н. Новгород, 2009. 43 с.
8. Музыка Е. В. Гендерные особенности восприятия власти в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 19.00.12. М., 2017. 32 с.
9. Жукова О. И. Гендерная интерпретация политики: теоретические подходы и политические практики: примеры России и Франции : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01. М., 2010. 31 с.
10. Кочкина Е. В. Гендерная асимметрия в структурах власти Российской Федерации: проблемы политико-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2004. 26 с.
11. Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия политики: неинституциональные и институциональные аспекты : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. Саратов, 2008. 46 с.
12. Иванова Н. А. Гендерное неравенство в системе политической власти : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 23.00.02. СПб., 2005. 15 с.
13. Пушкарева Н. А. Где больше власти – там меньше женщин (гендерная экспертиза законодательства и текущей законотворческой деятельности высших органов власти РФ 1991–2006 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2008. № 1 (41). С. 117–127.
14. Балалаева И. А. Медиаобраз женщины и развитие гендерного дискурса в современных российских федеральных газетах // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-1. С. 26–32.
15. Балалаева И. А. Образ женщины в современной российской прессе: ключевые характеристики и масштабы трансформации // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2013. № 6. С. 134–152.
16. Богданова О. С. Гендерные аспекты политического лидерства // Социология власти. 2010. № 6. С. 151–159.
17. Вагенляйтнер Н. В. Языковой образ женщины-политика в аспекте характеристики внешности (на материале печатных СМИ) // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 180–183.
18. Вартанова Е. А., Смирнова О. В., Фролова Т. И. Женщины в российской политике: СМИ показали, откуда придет гендерное равенство // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 3. С. 49–63.
19. Кашина М. А., Дмитрикова Е. В. Образ политика в российских СМИ: гендерный аспект // Управленческое консультирование. 2009. № 3 (35). С. 122–136.
20. Соколова Е. А. Женские медиаобразы-стереотипы в газете современного провинциального города // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2015. № 4 (28). С. 120–125.
21. Токарева О. В. Влияние института государства и «партии власти» на процесс конструирования имиджа российских женщин-парламентариев // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 26–35.
22. Кривцова Е. В., Рябуха Т. С., Шапкина Е. В., Шиллер В. В. Создание образа регионального политика-женщины в PR: востребованные качества и характеристики // Южно-Российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 2. С. 117–131.
23. Никитина С. В., Болдырева И. И. Конструирование гендера в современных англоязычных СМИ на примере языковой репрезентации женщины-политика // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 39–43.
24. Фатыхова Д. Р. Имидж женщины – политического лидера в современной России // Вестник экономики, права и социологии. 2008. № 6. С. 123–127.
25. Зимин В. А. Женщины России в политике и структурах власти // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 297–299.
26. Нипорка Е. В. Общественное мнение о женщинах в политике: современная ситуация // Женщина в российском обществе. 2007. № 3. С. 76–79.
27. Рябова Т. Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3-4. С. 3–12.
28. Селиванова О. С. Гендерные стереотипы и самодискриминация женщин в контексте неотрадиционалистских практик современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 5. С. 30–33.
29. Скорнякова С. С. Политическая культура современного российского общества: трансформация гендерных стереотипов // Научно-технические ведомости Санкт-

Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 4 (160). С. 152–156.

30. Токарева О. В. Теории политической коммуникации и постмодернизма в изучении имиджа российских женщин-парламентариев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2017. Т. 17, № 3. С. 349–353. doi:10.18500/1818-9601-2017-17-3-349-353

31. Токарева О. В. Типы имиджа российских женщин-парламентариев в условиях кризиса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2017. Т. 17, № 3. С. 349–353.

32. Шамарова Г. М. Без равного представительства нет демократии: роль женщин в политике и бизнесе // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 8. С. 12–19.

33. Шафигуллина Л. Р. Социальный портрет женщин-депутатов законодательного органа Республики Татарстан // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2018. № 2 (5). С. 19–25.

References

1. Ryabova T.B., Ovcharova O.G. Gender Political Science in Russia: Achievements, Problems and Prospects. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = Woman in Russian Society*. 2016;(1):3–23. (In Russ.)

2. Ayvazova S.G. Gender Dimension of Power in Modern Russia. Issue Formulation. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2004;(1):160–182. (In Russ.)

3. Akmalova A.A., Kapitsyn V.M. Women and Power: Municipal Aspect. *Samoupravlenie = Local Government*. 2012;(3):28–29. (In Russ.)

4. Shvets L.G., Shepeleva Yu.L. *Gendernyy aspekt vlastnykh otnosheniy: problemy i napravleniya razvitiya: monografiya = Gender Aspect of Power Relations: Problems and Directions of Development: Monograph*. Moscow: Kredo, 2015:148. (In Russ.)

5. Badmatsyrenova E.L., Dorzhieva S.V. Theoretical Models of Women's Political Participation. *Vlast = Power*. 2019;27(4):175–180. (In Russ.)

6. Kozlova N.N., Monakhova Yu.A. Female Deputies in Representative Bodies of the Volga Federal District: Experience of Analyzing Political Biographies. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya = Bulletin of Perm University. Political Science*. 2019;13(2):57–69. (In Russ.)

7. Ryabova T.B. Gender Stereotypes in the Political Space of Modern Russian Society: Sociological Analysis. DSc abstract. Nizhniy Novgorod, 2009:43. (In Russ.)

8. Muzyka E.V. Gender Characteristics of Power Perception in Modern Russia. PhD abstract. Moscow, 2017:32. (In Russ.)

9. Zhukova O.I. Gender Interpretation of Politics: Theoretical Approaches and Political Practices: Cases of Russia and France. PhD abstract. Moscow, 2010:31. (In Russ.)

10. Kochkina E.V. Gender Asymmetry in Power Structures of the Russian Federation: Problems of Political and Legal Regulation. PhD abstract. Moscow, 2004:26. (In Russ.)

11. Ovcharova O.G. Gender Asymmetry in Politics: Non-Institutional and Institutional Aspect. DSc abstract. Saratov, 2008:46. (In Russ.)

12. Ivanova N.A. Gender Inequality in Political Power. PhD abstract. Saint Petersburg, 2005:15. (In Russ.)

13. Pushkareva N.L. More Power, Fewer Women (Gender Expertise of Legislation and Current Legislative Activities of the Highest Authorities in the Russian Federation, 1991–2006). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya = Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science*. 2008;(1):117–127. (In Russ.)

14. Balalueva I.A. Media Image of a Woman and Development of Gender Discourse in Modern Russian Federal Newspapers. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Economic and Social Sciences*. 2014;(12-1):26–32. (In Russ.)

15. Balalueva I.A. Image of a Woman in Modern Russian Press: Key Characteristics and Transformation Scale. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika = Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*. 2013;(6):134–152. (In Russ.)

16. Bogdanova O.S. Gender Aspects of Political Leadership. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of Power*. 2010;(6):151–159. (In Russ.)

17. Vagenlyaytner N.V. Linguistic Image of a Woman Politician in the Aspect of Characterizing Her Appearance (Case Study of Printed Media). *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*. 2011;(3):180–183. (In Russ.)

18. Vartanova E.L., Smirnova O.V., Frolova T.I. Women in Russian Politics: Mass Media Showed Where Gender Equality Comes From. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theory and Practice of Journalism*. 2013;(3):49–63. (In Russ.)
19. Kashina M.A., Dmitrikova E.V. Image of a Politician in Russian Media: Gender Aspect. *Upravlencheskoe konsultirovanie = Management Consulting*. 2009;(3):122–136. (In Russ.)
20. Sokolova E.A. Women's Media Images Stereotypes in the Newspaper of a Modern Provincial City. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta = Bulletin of Shadrinsky State Pedagogical Institute*. 2015;(4):120–125. (In Russ.)
21. Tokareva O.V. Influence of the State and the "Party of Power" on Constructing an Image of Russian Female Parliamentarians. *Sotsium i vlast = Society and Power*. 2018;(6):26–35. (In Russ.)
22. Krivtsova E.V., Ryabukha T.S., Shapkina E.V., Shiller V.V. Creating an Image of a Regional Female Politician in PR: Qualities and Characteristics in Demand. *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk = South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018;19(2):117–131. (In Russ.)
23. Nikitina S.V., Boldyreva I.I. Constructing Gender in Modern English-Language Media (Case Study of Linguistic Representation of a Female Politician). *Vestnik VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya = Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2013;(1):39–43. (In Russ.)
24. Fatykhova D.R. Image of a Woman as a Political Leader in Modern Russia. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2008;(6):123–127. (In Russ.)
25. Zimin V.A. Russian Women in Politics and Power. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2013;(10):297–299. (In Russ.)
26. Niporka E.V. Public Opinion about Women in Politics: Current Situation. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = Woman in Russian Society*. 2007;(3):76–79. (In Russ.)
27. Ryabova T.B. Gender Stereotypes and Gender Stereotyping: Methodological Approaches. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = Woman in Russian Society*. 2001;(3-4):3–12. (In Russ.)
28. Selivanova O.S. Gender Stereotypes and Self-Discrimination of Women in the Context of Neo-Traditionalist Practices in Modern Russia. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Economic and Social Sciences*. 2012;(5):30–33. (In Russ.)
29. Skornyakova S.S. Political Culture in Modern Russian Society: Transformation of Gender Stereotypes. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshche-stvennye nauki = Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and Social Sciences*. 2012;(4):152–156. (In Russ.)
30. Tokareva O.V. Theories of Political Communication and Postmodernism in the Study of an Image of Russian Female Parliamentarians. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya = Proceedings of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science*. 2017;17(3):349–353. (In Russ.). doi:10.18500/1818-9601-2017-17-3-349-353
31. Tokareva O.V. Types of an Image of Russian Female Parliamentarians in the Context of a Crisis. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya = Proceedings of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political Science*. 2017;17(3):349–353. (In Russ.)
32. Shamarova G.M. No Democracy without Equal Representation: Role of Women in Politics and Business. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economy: Theory and Practice*. 2008;(8):12–19. (In Russ.)
33. Shafigullina L.R. Social Portrait of Female Deputies of the Legislative Body of the Republic of Tatarstan. *Istoriko-kulturnoe nasledie narodov Uralo-Povolzhia = Historical and Cultural Heritage of the Peoples in the Ural-Volga Region*. 2018;(2):19–25. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

О. В. Милаева – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.

А. Е. Сиушкин – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории государства и права и политологии, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.

O.V. Milaeva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the sub-department of Philosophy and Social Communication, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026.

A.E. Siushkin – Candidate of Sociology, Associate Professor of the sub-department of Theory of State and Law and Political Studies, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 27.06.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 28.07.2021

Принята к публикации / Accepted 25.08.2021